

Двадцать лет спустя

Алла ЛАТЫНИНА, редактор отдела русской литературы "ЛГ"

Лит. газ. - 1994 - Июнь - с. 3

Солженицын снова в России

Заискивание перед знаменитостью и глумление над гением растут из одного корня и одинаково недостойны

Если поступок исторического лица плох уже тем, что символичен и красив, то почему бы не пересмотреть наши взгляды на историю? Нескромно, например, Александру Македонскому рубить мечом гордиев узел, который полагается развязывать: кто-нибудь посмотрит символ в этом действии. Цезарю нескромно произносить громкие фразы о жреби, перейдя Рубикон: ну, форсировал водную преграду и помолчал, а то неровен час Светоний все опишет, а потомки комментировать и толковать будут.

А уж в новые времена взять хоть поведение писателей. Зачем Байрон отправился в Грецию, Лермонтов добровольно ходил под чеченские пули, зачем Чехов поперся на Сахалин, зачем Толстой ушел из такой благоустроенной Ясной Поляны?

Много работ написано на ту тему, что человек свою жизнь строит, в частности, и по законам художественного текста. Это в высшей степени относится к крупному художнику. Потому часто нас поражает такая завершенность, классическая законченность в биографиях многих выдающихся людей. Я оставляю в стороне те этические мотивы, которые побуждали Солженицына выбрать маршрут возвращения в Россию через Дальний Восток, описанный в ГУЛАГе, он сказал об этом сам, напоминая в Магадане о нашем долге перед миллионами эзков, сгинувших на этой земле.

Я лишь хочу заметить, что красота поступка, заложенная в нем многогранность символов и смыслов (символ тем и хорош, что значит намного больше своих толкований) вовсе не является чем-то предсудительным. (Уже написав эти свои заметки, я обнаружила в "Общей газете" слова Бориса Любимова о возвращении Солженицына: "Редкий случай задуманной, написанной, созданной жизни личности". Фраза, как подчеркивает автор, не носит негативного оттенка и не имеет целью задеть писателя. "Верующий в Промысел Божий, он верит и в необходимость замысла собственной жизни, будь то жизнь каждого человека или жизнь нации", - пишет Любимов. Справедливо.)

ГАДАНИЯ о том, чем займется Солженицын, опоздал ли он приехать, как утверждают многие, или "момент выбран на редкость удачно", как склонен думать обозреватель газеты "Коммерсант daily", будет ли он сторонником президента или будет его критиковать, где и как состоится их встреча, какую партию поддержит Солженицын и поддержит ли вообще какую-нибудь, которым посвятила свои страницы в последние дни и недели пресса, как наша, так и иностранная, отодвинули на задний план вопрос "Что такое для нас Солженицын?"

Кажется, один лишь Андрей Немзер в "Сегодня" напоминает, что возвращается не политический эмигрант, но великий художник, цитируя при этом Нобелевскую речь Солженицына, в которой писатель говорит именно о силе искусства и о несостоятельности пророчеств о его гибели. "И ошибались, и ошибутся все предсказатели, что искусство разложится, оживит свои формы, и умрет. Умрем - мы, а оно - останется. И еще пойдем ли мы до нашей гибели все стороны и все назначения его".

В наши дни нет недостатка в предсказаниях, что литература умирает и вот-вот умрет. А уж что касается творчества Солженицына, так тут и вовсе считается

нормальным заявить, что оно не имеет никакого значения для современного человека и что Солженицын сыграл свою историческую роль. Даже доброжелателями.

"В Россию возвращается пожилой человек, не самый худший, книги которого, к сожалению, лежат в магазинах штабелями. Скорее не нам надо думать, как мы встретим писателя, а ему - знает ли он свою родную страну", - так высказался 29 мая Борис Коптев в телепрограмме "Не рубить ли..." Это еще сдержанно звучит на фоне наглого невзоровского: "А кто он, собственно, такой?" - приведенного в анкете "Комсомольской правды", посвященной возвращению Солженицына, и пассаж Невзорова отличается от ответов многих политиков лишь по тону. "Время Солженицына прошло", "Интерес к его произведениям исчерпан", "Солженицын безнадежно устарел" - таков рефрен многих высказываний.

МЕЖ ТЕМ Солженицын, безусловно, крупнейший художник двадцатого века, писатель, масштаб которого соизмерим с масштабом Достоевского и Толстого.

Даже самые невежественные и самые развязные из пишущей братии понимают, что если ты не прочел "Войну и мир" или "Бесов", то хвастаться особенно нечем. Громко заявить, что тебе скучно читать Джойса, или Пруста, или Хэста Би Фолкнера, даже если это так и есть, тоже вроде не совсем прилично. Ответят, что это твои, мол, проблемы. Потому не читавшие не браврируют этим, а помалкивают. Иное дело Солженицын. Имеющей наглость рассуждать о литературе журналист прямо-таки раздувается от гордости, заявляя, что не смог прочесть "Красное колесо" и потому весь этот труд Солженицына - никчемная чепуха. Но ведь и рецензент "Бесов" Достоевского когда-то точно с такой же гордостью объяснял, что не смог ничего понять в этой "белиберде", лишенной всякой художественности.

Корреспондентка одного американского еженедельника брала у меня интервью накануне приезда Солженицына, и среди ее вопросов был тот, который наглядно обнажает один из западных мифов о России. "У вас всегда была традиция высокого духовного авторитета писателя. Пушкин, Толстой, Достоевский были непревзойденными нравственными авторитетами для современников. Не будет ли таким же Солженицын?"

Не были они нравственными авторитетами при жизни. Пушкина принимали сбрасывать с парохода современности вовсе не футуристы, а шибко прогрессивные революционные демократы, и значение его перестало оспариваться лишь в восьмидесятых годах XIX века, когда постарело и уступило свое место слишком уж веровавшее в прогресс и целесообразность поколение семинаристов-разночинцев.

Над Достоевским смеялись, как могли. Да, был замечательный эпизод, когда Некрасов и Григорьев приехали к Белинскому с оговоренной "Бедных людей" под мышкой: "Новый Гоголь явился!" (Этот внезапный и мгновенный успех первой же вещи Достоевского более всего сопоставим с громким успехом первой солженицынской повести.)

Но потом были издательские частушки недавних литературных приятелей, обращенные к Достоевскому: "на носу ли-

тературы зреешь ты, как красный прыщ" - и уничижительный отзыв Белинского о "Двойнике", то есть о настоящем Достоевском, а уж когда отрешившийся от социалистических идеалов юности писатель посмел написать "Бесов", "Братьев Карамазовых", как же негодовала прогрессивная общественность и как же изгалялась над "нехудожественностью" романов; над куклами вместо действующих лиц, над невероятной скукой, а больше всего над такой очевидной отсталостью идеалов автора.

Были, конечно, те, кто понимал значение и масштаб писателя. Но классиком Достоевский стал лишь тогда, когда поколение, считавшее, что Достоевский "отстал" и "устарел", сменилось другим, для которого он оказался недооцененным художником и непонятым пророком.

Многократно повторяемая нынче мысль, что Солженицын устарел, что его "Архипелаг" сыграл свою роль, лежит себе пылиться в магазинах, потому как все о лагерях мы теперь узнали, а "Красное колесо" и вовсе никому не нужно, потому что документы о первой мировой войне и событиях, предшествующих революции, всем доступны, - мнение это базируется на нашем невежестве и неумении хотя бы оценить масштаб художественных открытий великого современника.

Солженицын прежде всего писатель. Абсурдна та точка зрения, что его книги покорили мир, потому что он рассказал одному лишь ему ведомую правду о лагерях.

Кто же мешал другим сказать правду? Не один же Солженицын имел лагерный опыт! Да ведь и говорили. И порой замечательно, упомяну хоть о прозе Шаламова. А сколько документальных свидетельств о репрессиях было разобрано по

эмигрантским изданиям, начиная с двадцатых годов, сколько вышло книг о терроре - почему же левая западная интеллигенция не хотела ни читать их, ни верить им и внезапно поверила Солженицыну?

"Солженицын раскрыл нам глаза, нагло защитил идеологию", - пишет Жорж Нива в своей книге о Солженицыне, одной из немногих книг, где делается попытка понять его как художника, полагая, что именно искусство Солженицына произвело этот оглушительный эффект. Ибо без искусства было бы одним документом больше, одним меньше, а "документы против идеологии, увя, мертвы".

Искусство же не устаревает так стремительно, как кажется сегодня многим из нас. Но история показывает, что некоторая пауза, спад интереса, а порой и полное забвение предшествуют канонизации художника как классика. Мнение, что будущее поколения никогда не будет читать "Архипелаг", потому что он повествует о давно минувшем прошлом, не лучше тезиса об устарелости Тагита или о бессмысленности чтения "Войны и мира".

Того, что сделал Солженицын, вполне достаточно для благодарной памяти потомков и почтительной благодарности современников.

Сбрасывать с парохода современности предшественников несложно, многие пытались - и где они? Сброшены следующим поколением с не меньшей жестокостью. Те же, кто никогда не испытывал ни малейшей потребности умялить предшественника в надежде прибавить себе вершок роста, остались.

Платон вверял в свои диалогах свои мысли учителю Сократу, а Ньютон говорил, что видит далекого, ибо стоит на плечах гигантов.

Первые шаги по родной земле

В тесноте, но без обиды

За многие часы до планового прилета лайнера компании "Аляска эйрлайнз" в аэропорту Владивостока покорно ждали репортерской удаче более 200 журналистов ведущих мировых агентств, теле- и радиоконаний, газет и журналов.

Потерпите еще, господа, - утешал их после очередного сообщения о задержке рейса Юрий Прокофьев, тележурналист и координатор программы возвращения писателя. - Поймите, топливо Магадана и Хабаровска течет в баки самолета медленнее обычного. На транзитных дозаправках персонал дает возможность своим пообщаться с Александром Исаевичем. И ничего тут не сделать.

Наконец около восьми вечера самолет прилетел. Подали трап, и началась давка. Вмиг порваны ленточки ограждения, пресса с оговоренного "пятячка" кинулась к знаменитому возвращенцу. Не дотянулись бы руки барышень во всем русском с хлебом, но почему-то без соли до Солженицына, да, на счастье, вице-губернатор Приморья - мужик крепкий, увесистый. Грудью пал Игорь Лебединец на толпу и оттеснил всех ради ритуала. Так что хлеб встреченному достался-таки. А самым удачливым - фото- и теле-сюжеты об этом. Другие довольствовались общим планом, когда буйствующие

журналисты буквально несли на себе Александра Исаевича. Наталья Дмитриеву и их сыновей - Степана и Ермолая. На другой день нобелевский лауреат, давая пресс-конференцию в здании краевой администрации, невесело заметил, что при встрече его супруге отдалили ногу. Не уточнив, однако, случился сей изливший гостеприимства в аэропорту или на центральной площади, где патриарх советского диссидентства обратился в тот же вечер к тысячам горожан с краткой пламенной речью. И все бы хорошо, свежо для политического начала в российском далеке, да эжился народец от сопоставления: площадь называется "Борцам за власть Советов на Дальнем Востоке", а выступал на ней едва ли не главный антисоветчик послевоенного времени.

На упомянутой уже пресс-конференции Александр Исаевич заявил, что никакого политического поста добиваться не будет, ни к какому движению примыкать не намерен, а в России останется, даже если к власти придут коммунисты или Жириновский...

Владимир БОЧАРОВ, сотрудник краевой газеты "Красное знамя" - специально для "ЛГ" ВЛАДИВОСТОК

Культура - это не то, что начинается, это то, что продолжается. Это единственный вид национальной собственности, который передается только по наследству.

Революционеры, правда, свойственно от наследия отказывались и строить все заново, но и результаты их строительства налицо.

СОЛЖЕНИЦЫН вернулся в Россию, сдвигая ли не на первом же публичном выступлении заявив, что все его художественные произведения написаны и что он намерен участвовать в общественной жизни страны. Но не в качестве политика. Бессмысленны гадания о возможности его президентства - он твердо высказался, что не займет никаких постов. Еще более бессмысленны планы на него ряда партий - писатель много раз говорил, что он сторонник беспартийного развития страны. Использовать Солженицына в своих целях ни одному из политиков не удастся.

Будет ли он иметь влияние на соотечественников, станет ли тем нравственным авторитетом, к которому смогут апеллировать самые разные силы, - покажет время. Но есть одно обстоятельство, которое не следует упускать из виду.

Я небольшой сторонник школьнического деления писателя на две части: тут художник, а тут мыслитель и публицист. Но если художественные завоевания писателя вечны и неотменимы, то его политические высказывания - всего лишь его частное мнение. Только один пример.

Известно, что Толстой резко протестовал против политики умирения революции, проводимой Столыпиным; статья "Не могу молчать", в которой писатель называет Петра Столыпина и Николая Романова "палачами", руководимыми только самыми подлыми чувствами", - один из самых ярких эпизодов общественной жизни времени и одна из самых характерных страниц толстовской публицистики. Толстой был и резким противником экономической реформы Столыпина, считая, что она ведет к обнищанию крестьян и всем прочим бедам. Пытался писать ему, увещевать. Солженицын же, как хорошо известно, видит в Столыпине того самого государственного деятеля, который ответственно и твердо вел Россию к приватизации. (Если бы Говорухин и некоторые наши патриоты повнимательнее читали "Красное колесо", для них не была бы сюрпризом поддержка Солженицыным действий Ельцина 3-4 октября.)

Как художники Толстой и Солженицын сопоставимы. Нравственная высота личности каждого несомненна. Но уже один только этот пример говорит, что политические рекомендации даже самого выдающегося характера не могут носить абсолютный характер хотя бы потому, что придут в противоречие с политическими рекомендациями другого.

Не ошибаются только боги. А не рассуждая бросаются исполнять только волю форора. Но Солженицын не хочет и не будет вождем нации. Станет ли он ее совестью? Или, переформулируя, я готов ли мы признать моральный авторитет выдающегося современника, не оставяя нашим потомкам поводов для упреков в неадекватности, неблагодарности и хамстве? Ни восторженные взыски одной части прессы, ни глумливо-насмешливые отношения к великому писателю другой ее части - не радуют. Заискивание перед знаменитостью и глумление над гением растут из одного корня и одинаково недостойны.

"ЛГ" НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

Завтра еще не поздно

Подписка на "ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ" в Москве ПРОДЛЕНА ДО 10 ИЮНЯ